

После войны барон по праву мог почитать на лаврах, занимая почётный пост командующего Отдельным Литовским корпусом. Но колоссальное напряжение его личной борьбы с революцией и Наполеоном, продолжавшейся четверть века (с подавления мятежа в австрийских Нидерландах в 1790 г.) дало о себе знать: в 1818 г. Фердинанд Фёдорович скончался в возрасте 48 лет.

В сознании современников и потомков освобождение Москвы 11 октября 1812 г. осталось в тени её сентябрьского пожара и развернувшегося 12 октября сражения под Малоярославцем, во многом определившего исход войны. Характерна та краткость, с которой Кутузов известил царя об освобождении Первопрестольной: «11-го сего месяца генерал-майор Иловайский 4-й с отрядом вступил и занял Москву»⁶⁸. На тот момент это событие не имело стратегического значения. К тому же вытеснение французов из города силами лёгких подвижных отрядов носило характер партизанских действий и не могло считаться полномасштабной битвой. Увековечиванию памяти об изгнании неприятеля не способствовало и то, что освободителями первопрестольной столицы являлись немцы – реакционный романтик Ф.Ф. Винцингероде и А.Х. Бенкендорф, «прославившийся» как первый шеф жандармов и главный начальник одиозного III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. Но это отнюдь не уменьшает ни проявленного ими героизма, ни их роли в спасении московских святынь от полной гибели.

⁶⁸ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 710, л. 15.

Несостоявшийся праздник: 100-летний юбилей Императорского Казанского университета

Олег Морозов

A cancelled festival: the centennial jubilee of Imperial Kazan University
*Oleg Morozov (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

Казанский университет собирался отметить своё 100-летие в 1904 году. Как известно, в то время началась тяжёлая Русско-японская война и резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. Характерной же чертой академической жизни тех лет была борьба высшей школы за автономию, потерянную в 1884 г. после принятия нового университетского устава¹. В итоге из-за страха

© 2016 г. О.В. Морозов

В статье использованы результаты проекта «Критерии научности и эффективности в науках о человеке: история профессиональных конвенций в России/СССР», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Автор выражает благодарность Р.Х. Галиуллиной, Э.И. Амерхановой, Ю.А. Лексиной и сотрудникам Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ за помощь в работе над статьёй.

¹ См.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Устав 1884 г.: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. С. 25–38; они же. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II) // Там же. 2015. № 1. С. 89–101.

властей перед студенческими беспорядками и поражений русской армии на Дальнем Востоке юбилейные торжества были отложены на неопределённый срок.

Тем не менее многолетние усилия организаторов не пропали даром: в 1904 г. вышла первая официальная история университета и биографический словарь его профессоров и преподавателей². Стоит заметить, что это была уже вторая безуспешная попытка Казанского университета отметить свой юбилей. Празднование его 50-летия, запланированное на 1854 г., совпало с крайне неудачной для России Крымской войной и в последний момент было отменено императором Николаем I под формальным предлогом: «Пятьдесят лет не есть ещё настоящий юбилей, то есть столетие. Не вижу давать сему дню подобную торжественность. Довольно и просто собрания»³. Не была написана к 50-летию и юбилейная история, вместо которой пришлось ограничиться сборником научных статей.

И всё же подготовка к 100-летию юбилею стала для университета важным рубежом, который, правда, до сих пор освещался в научной литературе лишь эпизодически. Этот пробел можно отчасти объяснить тем, что российская историография заинтересовалась академической праздничной культурой только недавно, вслед за западными учёными, которые начали рассматривать университетские юбилеи как сложный социальный механизм, необходимый для укрепления корпоративной солидарности студентов и профессоров, самоутверждения учебного заведения в образовательной системе страны и поддержания его отношений с государством⁴.

Предметом исторического исследования может быть как само юбилейное торжество, так и подготовка к нему, которая может дать не меньше, а подчас даже больше знаний о социальной жизни учёной корпорации, чем праздничные церемонии. Подготовка университетского юбилея включала два аспекта: планирование праздничных церемоний и работу над юбилейными изданиями, главным из которых считалась официальная история университета. Эти издания выносились в отдельный перечень задач, как самый трудоёмкий этап в подготовке праздника, требовавший участия профессиональных историков, архивариусов и библиографов, а также немалых затрат.

² См.: Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 133–141; Лексина Ю.А. Научно-исследовательская и издательская деятельность Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ // Университетские библиотеки в глобальном информационном и культурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2004. С. 20–24.

³ Цит. по: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 440.

⁴ Основные работы по университетским юбилеям в России: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 271–311; Посохов С.И. Механизмы саморепрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вт. пол. XVIII – перв. пол. XIX вв.) // Вісник Чірівського національного педагогічного університету. 2011. Вип. 87. С. 10–15; Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 475–498; Вишленкова Е.А. Коммеморативная культура российского университета XIX века // Пути России. Историзация социального опыта / Под общ. ред. М.Г. Пугачёвой, В.П. Жаркова. М., 2013. Т. XVIII. С. 584–599; Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1(91). С. 41–64; Парсамов В.С. «История Императорского Московского университета» С.П. Шевырёва: от скандала к юбилею // Российская история. 2015. № 1. С. 89–112.

По какому алгоритму был организован юбилей, кто участвовал в его подготовке, как строились отношения между организаторами, кто отвечал за юбилейную историю и другие печатные издания, по каким принципам отбирался для них материал и насколько самостоятельны были авторы в выражении собственных взглядов при работе над текстами, как влияли на проведение юбилея внешние события – все эти вопросы будут рассмотрены в данной статье. Основными источниками станут при этом протоколы заседаний Совета Казанского университета (далее – Совет), опубликованные в официальной части «Учёных записок» университета в 1896–1904 гг., и документы университетского фонда (ф. 977) Национального архива Республики Татарстан.

Во время организации 100-летнего юбилея руководство Казанского университета уделяло наибольшее внимание печатным изданиям. Оно понимало, что объёмные труды, выпущенные ограниченным тиражом, не рассчитаны на широкую аудиторию из-за высокой стоимости и специфической тематики. Тем не менее университетский юбилей трудно представить без официальной истории альма-матер. Такие книги были символами профессионального единства университетской корпорации, средствами саморепрезентации перед гостями и начальством – Министерством народного просвещения.

О юбилейном издании впервые заговорили на заседании Совета 26 марта 1894 г. Приближающаяся годовщина, заявил ректор К.В. Ворошилов, «естественным образом вызывает в членах университетской корпорации мысль и заботу о составлении истории университета. Мысль эта настойчиво приводится в исполнение заслуженным профессором, почётным членом университета Н.Н. Буличем»⁵. К тому времени Булич, профессор кафедры русской литературы, был хорошо известен как автор очерков о ранней истории Казанского университета⁶. Закончить свой труд он смог только в 1886 г., после того как покинул ректорский пост, пробыв на нём четыре года⁷.

Между тем Совет университета «признал неотложным делом» выпустить к 100-летию юбилею историю учебно-вспомогательных учреждений. Ректор Ворошилов предложил доверить эту работу факультетам: только у них был для этого нужный материал и соответствующие навыки⁸. К обсуждению юбилейных изданий Совет вернулся в 1895 г., когда после тяжелой болезни скончался Булич и университету понадобился новый историограф. Осенью 1895 г. Совету предстояло определиться, какие именно издания он собирается опубликовать к празднику, по какому плану будет писаться юбилейная история и кто будет над ней работать.

Проект истории и других изданий составил профессор русского права Н.П. Загоскин. Однако во время его обсуждения в Совете профессор истории Д.А. Корсаков предложил согласовать его с факультетами, поскольку состав-

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 1.

⁶ Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Учёные записки Казанского университета (далее – УЗКУ). 1875. С. 3–48, 241–288, 439–488; 1880. С. 1–112; 1886. С. 1–387.

⁷ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. В 2 ч. Казань, 1887–1891. К юбилею 1904 г. эта работа Булича была переиздана.

⁸ НА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 2; Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 1897 г. // УЗКУ. 1897. Кн. 12. С. 32; Выписка из дела Совета о праздновании приближающегося столетнего юбилея Императорского Казанского университета (Дело № 63, 1894). Казань, 1897. С. 1–2.

ление истории университета «есть дело общее и очень сложное»⁹. Позже Корсаков сформулировал альтернативный план подготовки юбилейных изданий. Рассмотрим оба конкурирующих проекта.

Загоскин понимал, что остававшиеся до юбилея 10 лет – срок небольшой, поэтому старался минимизировать бюрократическую волокиту. Он, например, считал, что сбор материала и работа над текстом юбилейной истории должны быть поручены одному человеку, которому нужно дать полный доступ к архивным фондам. Саму же историю университета он предлагал писать как историю учреждения, «разумея систематическое и прагматическое изложение его возникновения, начальной жизни и внешнего и внутреннего развития как в целом, так и в отдельных учреждениях, в связи с развитием жизни того края и того общества, среди которых и в умственных интересах которых он существует». Кроме юбилейной истории, его проект предусматривал подготовку биографического словаря и сборника научных трудов казанских профессоров.

Загоскин оговаривал, что словарь должен быть издан отдельно от истории, так что оба труда «будут взаимно дополнять один другой»¹⁰. При этом он, скорее всего, учитывал немецкий опыт. В Германии в юбилейных историях университетов и факультетов хронологически организованный нарратив нередко перемежался жизнеописаниями именитых учёных. Биографические словари в таких случаях были не нужны, впрочем, германские университеты и не составляли их, предпочитая им списки своих сотрудников, сгруппированные по факультетам и кафедрам. Немецкий подход делал университетское прошлое более персонифицированным и помогал сфокусироваться на достижениях каждого учёного, но заменял целостную историю корпорации повествованием, сшитым из множества частей с резкими переходами.

Проект Корсакова был более основательным и хлопотным. Считая юбилейную историю делом всей учёной корпорации, он предлагал избрать для составления истории Казанского университета особый комитет, куда бы вошли ректор, несколько членов Совета, по одному профессору от каждого факультета, а также главный редактор истории, составитель её общей части и редактор словаря. Он также считал необходимым, не ограничиваясь материалами архивов университета и Министерства народного просвещения, как предлагал Загоскин, привлечь архивы Сената, Святейшего Синода, Московского университета, Казанской духовной академии, а также Московского, Оренбургского и Харьковского учебных округов, отдельные части которых в разное время относились к Казанскому учебному округу. Помимо архивных материалов, планировалось использовать источники личного происхождения, в том числе частную переписку, дневники, мемуары и «летучие произведения писанной литературы». Ещё одно отличие проекта Корсакова – попытка методологического осмысления университетской истории. Правда, никаких концептуальных новшеств его идеи не содержали, зато были сформулированы более широко и витиевато. При этом сам университет у Корсакова представлял собой не абстрактное единство, а распадался на три элемента: начальство, учащихся и учащихся.

Автор проекта набросал и структуру предполагаемой истории университета, выделив в ней десять периодов. Разделяющими их вехами стали кадровые перестановки в Министерстве народного просвещения, введение новых уставов, назначения и отставки попечителей учебных округов, ревизии. Открывать

⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 1897 г. С. 33.

¹⁰ НА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 4–5.

сочинение должен был очерк о начальном и среднем образовании в Казанской губернии XVIII в. и университетской реформе Александра I. По-видимому, этим очерком Корсаков пытался встроить основание Казанского университета в более широкий исторический контекст и тем самым компенсировать позднее появление университетов в России. Затем следовали еще девять разделов, разделенные на главы, в каждой из которых должны были содержаться общая характеристика эпохи, анализ уставов, а также институциональная, экономическая и социальная история университета: состояние администрации, преподавателей и студентов, проведение экзаменов, присуждение ученых степеней, организация диспутов, общественная жизнь факультетов, деятельность ученых обществ и учебно-вспомогательных учреждений, место Казанского университета среди начальных и средних образовательных учреждений в учебном округе и многое другое¹¹.

Однако, многие члены Совета испугались, что привлечение к работе над историей многочисленной группы людей похоронит её под тяжестью ненужной рутины. Так, у профессора истории русской литературы А.С. Архангельского вызвала недоумение идея избрать для составления истории университета целый комитет: «Предлежащая нам в настоящее время задача, на мой взгляд, гораздо проще: не комитет какой-либо мы должны выбрать, а должны выбрать из среды себя двух лиц: будущего историка университета и будущего редактора библиографического словаря». Архангельский остался недоволен и широким кругом источников, неподъёмным за оставшееся до юбилея время, теоретическими выкладками Корсакова и даже предложенной им периодизацией истории Казанского университета: «Что означают эти начертанные здесь десять периодов, и почему именно десять, а не девять, или восемь, или например три?»¹². Корсаков защищался как мог, исправляя фактические неточности Архангельского и заявляя, что тот «желает запугать Совет неудобноносимыми тяготами».

Разумеется, далеко не все профессора были настроены к Корсакову так критично. Загоскин ещё до заседания 27 мая выбрал примирительный тон, написав Совету, что оба проекта не имеют существенных расхождений, а вся «разница только в деталях, которая легко может быть устранена»¹³. Однако различий между проектами было достаточно. Самые принципиальные заключались в распределении полномочий между авторами юбилейных трудов, количестве этих трудов и мере ответственности их составителей перед университетским руководством. Поскольку план Загоскина показался Совету более простым и менее затратным, за него проголосовало большинство членов, а самого Загоскина 27 мая 1897 г. назначили историографом Казанского университета с ежегодным вознаграждением в 1 200 руб.¹⁴

В Российской империи 1880–1900-х гг., где профессор легко мог быть уволен за политическую неблагонадёжность, подобные должности получали, как правило, люди проверенные и лояльные. Однако в случае с Загоскиным решаю-

¹¹ Там же, л. 11–12.

¹² Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 1897 г. С. 47, 42.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ НА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 18. Ровно столько же в 1903 г. в Казани получал ординарный профессор историко-филологического факультета за учебную нагрузку (Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1903 год // УЗКУ. 1904. Кн. 11. С. 13). Для ординарного профессора начала XX в. сумма в 1 200 руб. не была такой уж высокой: его годовой оклад мог достигать и 3 тыс. руб. (К вопросу о профессорских штатах Императорских российских университетов. М., 1914. С. 7).

щую роль сыграл его профессиональный авторитет, взявший верх над идеологическими предрассудками. Загоскина трудно было заподозрить в абсолютной политической лояльности. Так, во время революции 1905 г. он присоединился к Академическому союзу¹⁵.

Благодаря регулярным отчётам Загоскина перед Советом мы без труда можем восстановить процесс подготовки юбилейной истории. Согласно плану он начал с изучения опубликованных источников – периодических изданий («Казанских известий», «Казанских ведомостей», «Губернских ведомостей» и др.) и Полного собрания законов Российской империи. С октября 1897 г. профессор занялся систематизацией архивных дел. Прежде всего его интересовали послужные списки профессорско-преподавательского состава¹⁶ и дела по истории Совета. Для дополнительного удобства историографу выделили отдельный кабинет (в 1898 г. открывшийся для всех желающих), где он хранил выпуски «Учёных записок», пособия, отчёты и книги по истории университета¹⁷.

Работу с источниками Загоскин строил с применением карточной системы, при которой приходилось вычитывать по очереди каждое дело. Все важные сведения надо было выписывать на отдельные карточки, нумеровать их, сортировать по годам и складывать в картонные папки. Такая тщательная работа помогла навести порядок в архиве, облегчить работу авторам других юбилейных изданий и даже обнаружить утраченные ранее источники. Например, в 1898 г. в архиве канцелярии попечителя был случайно найден забытый всеми труд Н.И. Лобачевского «Геометрия», который тот безуспешно пытался опубликовать за казенный счёт ещё в 1823 г., обратившись к М.Л. Магницкому¹⁸. Такие находки, сетовал Загоскин, – результат произвольной и путаной организации архива¹⁹.

Вскоре стало ясно, что при таком скрупулёзном подходе охватить историю Казанского университета за целый век едва ли получится. К тому же в апреле 1898 г. Загоскин отправился в Петербург – работать в архиве Министерства народного просвещения. Там он раздобыл много сведений об университете в период попечительства Магницкого, а вот информация о назначении в Казань первых профессоров, выборах в Совет и присуждении первых учёных степеней сохранилась лишь в описях: сами дела стали жертвами архивных ревизий 1866–1868 гг.

По мере приближения юбилея в подготовку истории вовлекалось всё больше участников. Ещё до отъезда в Петербург Загоскин попросил Совет выделить ему представителей от каждого факультета для консультаций, дабы «путём совещаний и взаимного обмена мыслей могла бы создаться живая связь» между профессором и факультетами²⁰. Так был создан Совецательный

¹⁵ Бушуева Л.А. Профессорская корпорация в Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 251. Подробнее о деятельности союза см.: Иванов А.Е. Российский учёный корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 6(44). С. 82–87.

¹⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 27 ноября 1897 г. // УЗКУ. 1898. Кн. 7–8. С. 32. Формулярные списки профессоров и преподавателей за период 1805–1860 гг. хранились в университетском архиве, а с 1860 г. по начало XX в. – в канцелярии Совета. Впоследствии собранные Загоскиным сведения о профессорах и преподавателях легли в основу биографического словаря.

¹⁷ Там же. С. 32–33.

¹⁸ В 1829–1830 гг. в журнале «Казанский вестник» вышел другой труд Н.И. Лобачевского – «О началах геометрии».

¹⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 28 февраля 1898 г. // УЗКУ. 1898. Кн. 9. С. 29.

²⁰ НА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 23а–23б.

комитет по составлению истории Казанского университета, который *de facto* не только консультировал, но и принимал важные решения, связанные с выходом юбилейных изданий. Тем не менее ни Совецательный комитет, ни даже Совет не вмешивались в работу профессора над текстом, предоставляя ему полную свободу действий в отношении как структуры сочинения, так и интерпретаций различных сюжетов. Так что даже если официальную историю университета и можно назвать репрезентацией прошлого всей казанской учёной корпорации, это не мешает ей быть продуктом индивидуального творчества.

Активная работа над биографическим словарём профессоров и преподавателей началась сравнительно поздно – в ноябре 1899 г. К тому времени университетское руководство успело только обратиться к бывшим студентам с просьбой прислать материалы для будущего словаря и назначить его редактора²¹. Им стал ординарный профессор Ф.Г. Мищенко – антиковед, специалист по древнегреческому языку, избранный в 1895 г. членом-корреспондентом Императорской академии наук²².

В декабре 1902 г. историко-филологический факультет пригласил Загоскина на отдельное заседание рассказать, в каком состоянии находится материал, необходимый для словаря и истории кафедр²³. Тот порекомендовал использовать при составлении словаря обозрения преподавания, сведения об избрании и повышении в звании, формуляры, некрологи, факультетские дела, а также издания, опубликованные им самим специально в помощь составителям словаря²⁴. Разумеется, разобрать и обработать все эти источники одному человеку было не под силу. Обязанности по составлению словаря ложились на плечи сотрудников кафедр. Принудительный характер данной работы, по мнению Загоскина, обрёл «всё начинание на полную безрезультативность». В начале 1903 г. положение осложнилось тем, что Мищенко пришлось покинуть Казань из-за тяжёлой болезни, а затем и вовсе выйти в отставку.

В итоге составление и редактирование словаря перешли к Загоскину²⁵. По его подсчётам, из 591 биографии 382 составлены им единолично, 125 основаны на присланных в университет автобиографиях и только 84 сделаны представителями кафедр. Словарь был опубликован в двух частях в 1904 г. Историограф признавал, что он был неполон, готовился в спешке и требовал продолжения. Но хуже всего было то, что из-за потраченного времени Загоскину не хватило сил на юбилейную историю, тем более что трудностей с ней было куда больше, чем со словарём. Так, печать 1-го тома началась в 1902 г., но несколько раз останавливалась то из-за нехватки бумаги, то из-за срочной командировки автора, не разрешавшего набирать текст в его отсутствие. Университетская типография печатала тома бесплатно со скоростью до четырёх листов в неделю, неся при этом убытки: на время интенсивной работы ей приходилось отказываться от выгодных заказов²⁶.

²¹ Вознаграждение редактора словаря составило 10 руб. за один печатный лист, что было гораздо ниже, чем у Загоскина.

²² Подробнее о нём см.: *Шофман А.С.* Фёдор Герасимович Мищенко. Казань, 1974.

²³ НА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 57–58.

²⁴ Материалы для истории кафедр и учреждений Императорского Казанского университета (1804–1826 гг.) / Сост. Н.П. Загоскин. Казань, 1899; Деятели Императорского Казанского университета, 1805 г. – 1900 г.: Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования / Сост. Н.П. Загоскин. Казань, 1900.

²⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 1. С. X, XVIII.

²⁶ *Каримуллин А.Г.* Татарская книга начала XX в. Казань, 1974. С. 78.

В апреле 1903 г. Загоскин понял, что не успеет подготовить юбилейную историю в полном объёме²⁷. Пришлось пересмотреть её содержание и количество томов. Если в мае 1901 г. в четырёх томах планировалось осветить все 100 лет существования университета, то в итоге они покрыли всего лишь первую четверть XIX в., причём последний том был напечатан только в 1906 г.²⁸ Продолжения так и не последовало. Не успели сделать к юбилею и отдельную историю кафедр и учебно-вспомогательных учреждений. Накопленный факультетами материал Загоскин включил в свой четырёхтомник.

Таким образом, метод скрупулёзного прочтения и систематизации источников оказался не самым оперативным, тем более что организация университетского архива оставляла желать лучшего, а благоустроить его за несколько лет до юбилея было поздно. Ещё одним уязвимым местом в проекте Загоскина стала концентрация работы в руках одного человека. Ему не хватило времени в одиночку разобрать весь материал по истории университета за 100 лет.

В предисловии к 1-му тому историограф писал, что хочет «дать, в пределах посильного, полную прагматически-последовательную и, с другой стороны, возможно живую и общедоступную историю Казанского университета за истекшее столетие его существования». Акцент делался на общественной и культурной связи университета с городом и всем краем, что и должен был подчеркнуть надвигавшийся юбилей. По мнению Загоскина, он «не может и не должен почитаться исключительно домашним, семейным его праздником... Университет-юбиляр не освобождается от нравственной обязанности выяснить обществу значение переживаемого момента, дать ему отчёт за минувший век своего существования». В рамках этой логики была выстроена и структура сочинения.

Загоскин отказался от группировки материала по тематическим рубрикам, что сделало бы его труд похожим на справочник. Он постарался выдвинуть на первый план «прагматическую историю университета», т.е. представить его в виде целостного и динамично развивающегося института в диахронической ретроспективе²⁹. Несмотря на то что результаты оказались не столь грандиозными, как планировалось, этот труд стал первым в истории Казанского университета официальным нарративом и в качестве такового до сих пор представляет высокую историографическую ценность.

Торжественной частью праздника (программой, гостями, списком почётных членов университета и пр.) занималась юбилейная комиссия, сформированная в 1902 г. из профессоров от каждого факультета под руководством ректора (в 1899 г., после отставки К.В. Ворошилова, этот пост занял Д.И. Дубяго, пробыв на нём до 1905 г.). Она ориентировалась на другие университеты. Например, идея разместить в газетах просьбу к выпускникам прислать в Казань мемуары, письма, фотографии и биографические справки для составления печатных изданий, была позаимствована у Харьковского университета и

²⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 14 апреля 1903 г. // УЗКУ. 1903. Кн. 9. С. 23–24.

²⁸ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Казань, 1902–1906. См. рецензии на это издание: Кизеветтер А.А. Из истории борьбы с просвещением // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 150–179; Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 362. № 12. Отд. 2. С. 416–432; Мир Божий. 1905. № 6. Отд. 2. С. 83–87; Вестник Европы. 1905. Апрель. С. 843–849.

²⁹ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета... Т. 1. С. XXXI–XXXIV.

Демидовского юридического лица, готовившихся к своим юбилеям и давших аналогичные объявления³⁰. В декабре 1902 г. Совет командировал ректора вместе с профессорами М.Я. Капустиным и А.И. Александровым на празднование 270-летия Юрьевского университета. По возвращении они представили доклад о своих впечатлениях и черновик юрьевской программы торжеств³¹.

Обмен опытом между университетами являлся в те времена распространённой практикой, тем более что юбилейная традиция российских университетов была далеко не такой богатой, как европейская. В результате праздничные программы часто походили одна на другую. Программа Казанского университета исключением не стала, хотя по сравнению со столичными университетами выглядела скромнее. Праздник планировалось отмечать 4–6 ноября. Ожидалось около 500 гостей и 1 500 студентов, преподавателей и профессоров из Казани.

Первый день планировалось начать с предварительного собрания гостей, установления порядка чтения адресов и приветствий; второй – с утреннего богослужения, за которым следовали бы общий завтрак, торжественный акт, обед в помещении Дворянского собрания на 650 человек, вокально-музыкальный студенческий концерт с открытым буфетом. Третий день отводился на осмотр гостями города и его достопримечательностей, обед от города и дворянства, вечерний бал с ужином на 1 500 человек. Предварительно на все встречи, банкеты, концерты и награды предполагалось потратить около 24 тыс. руб. Почти такая же сумма ушла на подготовку юбилейных изданий: один гонорар историографу с июня 1897 г. по ноябрь 1904 г. обошёлся в 8 900 руб.³²

В 1903 г. стало понятно, что Казанский университет не сможет организовать юбилей только за свой счёт. 13 тыс. руб. выделило ему Государственное казначейство, но все они ушли на печатные издания, поэтому дополнительные средства решили искать у местных властей. Юбилейная комиссия отправила обращения дворянскому собранию, губернскому земству и Казанской городской думе с приглашением включить своих представителей в состав комиссии и принять участие в подготовке юбилея³³. Разумеется, приглашение поучаствовать в разработке праздничной программы подразумевало посильную финансовую помощь.

Казанская городская дума просьбу поддержала, отметив, «что город настолько тесно сроднился с местным университетом, всегда признавая его высокие заслуги в деле просвещения, что, конечно, и на этот раз с полным сочувствием отнесётся к столь знаменательному предстоящему торжеству». Согласием ответило и губернское земство, пообещав ассигновать 3 тыс. руб. на высшие женские курсы и устроить вместе с дворянством раут для всех участников юбилея на сумму 4 тыс. руб.

Однако поскольку речь шла о новом денежном сборе, инициатива вызвала жаркие споры в рядах земцев. Член комиссии П.Л. Ухтомский заявил: «Если бы деньги эти пошли на какое-либо просветительское учреждение, может быть я бы ничего не имел против этого, но ассигновать 4 000 р. на раут?.. Ведь на эту сумму можно построить две–три школы». Губернский предводитель дворянства Н.Д. Сазонов парировал: раут «явится торжеством, объединяющим представителей университета, его гостей, бывших воспитанников, губернское

³⁰ НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 10656, л. 5, 8.

³¹ Там же, л. 17–18; д. 10752, л. 2.

³² Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 10656, л. 14, 125–127.

³³ Там же, л. 96.

земство, уездные казанские губернии и все земства, входящие в состав Казанского и Оренбургского учебных округов»³⁴. Таким образом, местные власти не всегда могли определиться с формами поддержки университета, отвечающими их собственным интересам, хотя её необходимость никем под сомнение не ставилась. Юбилей был редким поводом продемонстрировать хорошие отношения города с университетом, а поскольку между обеими сторонами периодически возникали трения, упускать такую возможность было бы непростительным промахом³⁵.

Не менее важной задачей комиссии было согласовать с Советом сроки празднований. По традиции их следовало начать 5 ноября, в день принятия университетского устава, который ежегодно отмечали торжественным актом в главном здании университета. Однако в апреле 1903 г. Загоскин объявил Совету, что на подготовку печатных изданий осталось слишком мало времени, и предложил выпустить биобиблиографический словарь 5 июля 1914 г., а перенос обосновать историческими причинами. Хорошо знакомый с ранней историей университета, он выделил в ней три события, каждое из которых могло быть признано в качестве дня рождения высшего учебного заведения. 5 ноября 1804 г. был принят устав, 14 февраля 1805 г. состоялось то, что Загоскин назвал *основанием* университета, или открытием «в самой примитивной форме» — без ректора, Совета, Правления и факультетов. Они появились только 5 июля 1814 г. — в день *фактического открытия* университета, которое историограф и предложил отметить выпуском словаря³⁶.

Три даты (учреждение, основание и открытие) давали руководству университета выгодное пространство для маневра, если юбилей потребовалось бы перенести из-за непредвиденных обстоятельств. Историческое обоснование такого переноса было необходимо: студентам и профессорам было важно знать, какое именно событие символизирует рождение их альма-матер. Для чиновников подобный символизм был не так ценен. Например, в феврале 1904 г. попечитель Казанского учебного округа С.Ф. Спешков написал Совету, что из-за проблем с переправой через Волгу проводить праздник в ноябре будет неудобно, и предложил вообще перенести его на конец мая 1905 г.³⁷

Определиться со сроками Совет и комиссия так и не успели. 27 января 1904 г. началась война с Японией. Загоскин порекомендовал перенести торжества на 14 февраля 1905 г.: «Под гром оружия увидел Казанский университет свое печальное существование. Под отголоски победных кликов совершалось летом 1814 года его полное открытие. Будем твёрдо надеяться, что с торжеством русского дела на берегах Великого Океана 14 февраля 1905 года совпадет и мирное чествование столетней культурной работы Казанского университета на пользу духовного преуспевания русского европейского и азиатского востока»³⁸. Однако надежды на скорое «торжество русского дела», как известно, не сбылись.

³⁴ Там же, л. 87.

³⁵ О взаимодействии Казанского университета с местными властями в начале XX в. см.: Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XX века // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009. С. 460–583.

³⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 14 апреля 1903 г. // УЗКУ. 1903. Кн. 9. С. 20–21.

³⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 16 февраля 1904 г. // УЗКУ. 1904. Кн. 9. С. 19.

³⁸ Там же. С. 22.

Празднованию юбилея помешали и студенческие беспорядки. Весной 1899 г. эхо Первой всероссийской студенческой забастовки докатилось до Казани. Сходки студентов 1899–1904 гг. заканчивались столкновениями с полицией, арестами протестующих и административными взысканиями³⁹. Зимой 1902 г. «университетские истории» даже вынудили Совет отменить занятия⁴⁰. 4 ноября 1903 г., во время годичного акта, студенты попытались провести очередную демонстрацию у входа в главное здание университета. Опасаясь, что праздничные торжества перерастут в массовые беспорядки, Совет постановил повременить с ходатайством о начале юбилея, сославшись на неопределённую обстановку на Дальнем Востоке⁴¹. В итоге из-за начавшейся в январе 1905 г. революции и новых военных неудач Казанский университет так и не встретил 100-летнего юбилея, к которому так активно готовился.

Тем не менее 5 ноября 1904 г. состоялся традиционный годичный акт. Обычно в таких случаях зачитывались актовая речь и отчёт о деятельности университета за минувший год⁴². Совет специально старался не создавать праздничного антуража, но на мероприятие всё равно собрался полный зал. Речь профессора М.Я. Капустина, заведующего кафедрой гигиены, касалась охраны здоровья учащихся – спокойной и аполитичной темы, не предвещавшей никаких проблем. Но как только его выступление подошло к концу, на задних рядах, где сидели студенты, поднялся шум и акт был прерван⁴³. Вероятно, оживление вызвали последние слова Капустина, не сумевшего обойти стороной Русско-японскую войну: «Нужно, чтобы наши дети, внуки и правнуки путём образования избавлялись от создаваемых нами зол, не утрачивая однако же основ русского народного духа и любви к Родине, которые показывают наши современники на полях Манчжурии, в далеком Порт-Артуре. В смысле высоты духа – это учителя и воспитатели будущих поколений»⁴⁴.

Проанализированный в данной статье материал показывает, что за праздничным фасадом юбилея скрывался сложный организационный процесс, успешный результат которого зависел от продуманного плана работы, слаженных отношений между организаторами, правильно распределенного времени, умения справляться с неожиданными трудностями, в том числе войнами и революциями. Что даёт нам знание об этом процессе? Историку университетов оно помогает чётче представить отношения внутри университетской корпорации. История с подготовкой юбилейных изданий Казанского университета свидетельствует, что подобные сочинения могли составляться одним автором, чьё творчество не подвергалось какой-либо цензуре и едва ли может рассматриваться как проекция идеологических установок сотрудников университета или его руководства.

³⁹ Исаков А.П., Исаков Е.П. *Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами)*. В 2 т. Казань; Лондон, 2004–2005. Т. 1: 1804–1945. С. 192–209.

⁴⁰ НА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 2368, л. 22, 31, 35–38.

⁴¹ Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 16 февраля 1904 г. // УЗКУ. 1904. Кн. 9. С. 23.

⁴² Подробнее о традиции годичных актов см.: *Лексина Ю.А.* Актовые речи в Казанском императорском университете. Казань, 2014. С. 8–29.

⁴³ Там же. С. 68–69; Акт в университете // Казанский телеграф. 1904. № 3558. С. 3; Дополнение к университетскому акту // Там же. № 3559. С. 3.

⁴⁴ *Капустин М.Я.* Образование и здоровье (Актовая речь в Императорском Казанском университете, 5 ноября 1904 года) // УЗКУ. 1904. Кн. 11. С. 50.

Следует также помнить, что прошлое университета – это не только символический капитал, укреплявший профессиональную солидарность учёных, но и административный ресурс, который организаторы юбилея могли использовать в своих целях, например, перенося праздник на более удобную дату и обосновывая своё решение фактами из истории. В более широкой перспективе несостоявшийся в 1904 г. юбилей является примером того, как Казанский университет, как бы этого ни хотелось его руководству, не был и не мог быть «островком стабильности» в условиях острого политического кризиса, разразившегося в Российской империи.

Образы Первой мировой войны в сознании удмуртского этнического сообщества

Алексей Загребин

The images of the First World War in Udmurt ethnic community
*Aleksei Zagrebin (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural
branch of the Russian Academy of Sciences)*

К столетию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. вышли в свет оригинальные исследования, обращённые к ранее «забытым» темам, среди которых – образы первого глобального военного конфликта в сознании различных слоёв российского общества¹. Интересно в этом отношении изучение этнически ориентированных источников – газетной периодики, личных воспоминаний, научных текстов и политических прокламаций.

Мировая война, в той или иной степени затронувшая каждого, поставила перед народами, обществами и государствами вопросы, ответы на которые пришлось искать опытным путём и в предельно сжатые сроки. Требовалось задействовать те необходимые для будущей победы инструменты, которые до этого ещё массово не применялись. Одним из них, вошедшим в арсенал военно-политической стратегии стран Антанты и Четверного союза, было использование национальных чувств, земляческих отношений и этнических особенностей.

В 1915 г., когда в России истощился ресурс кадровой армии, особое значение приобрели подразделения, прибывавшие в действующую армию из внутренних военных округов страны. Развёрнутые на основе запасных частей, существенно пополненных резервистами, преимущественно вчерашними крестьянами, новые полки по составу были многонациональными, как и сама империя. Власти должны были позаботиться о состоянии боевого духа и в дей-

© 2016 г. А.Е. Загребин

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-03573 «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация).

¹ Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014; Удмуртский край в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. А.Е. Загребина и Н.В. Тойкиной. Ижевск, 2014.